Традиционная инструментальная культура шведов восточной Балтики: перспективы изучения

Анна Вячеславовна Калаберда
кандидат культурологических наук,
доцент кафедры музыки финно-угорских народов,
Петрозаводская государственная консерватория
им. А. К. Глазунова.
E-mail: anna.kalaberda@yandex.ru

Аннотация:

Статья посвящена традиционной культуре фактически исчезнувшей этнографической группы шведов, так называемых *aibofolket*, на разных этапах филолого-лингвистических, историко-этнографических и этномузыкологических исследований. Накопленные данные в сфере лингвистики и диалектологии позволили выделить основные ареалы проживания шведов восточной Балтики. Тем не менее, полученные результаты в области изучения материальной и музыкальной традиционных культур следует рассматривать как доказывающие лишь целесообразность дальнейших исследований в границах не только ареального языкового пространства, но и шире. Историко-культурный ареал, включающий островную и береговую культуры, представляет большой интерес для изучения не только различных уровней межэтнических контактов финно-угров и скандинавов, но и механизмов отбора, адаптации и передачи дифференциальных культурных сегментов, ведущих к интеграции при сохранении этнической индивидуальности.

Ключевые слова: балтийские шведы, береговая культура, островная культура, традиционные наигрыши на талхарпе и сякпипе, традиционная танцевальная культура.

The traditional instrumental culture of the Eastern Baltic Swedes: prospects of research

Abstract:

The article is devoted to the traditional culture actually disappeared Swedish ethnographic group, the so-called *aibofolket*, at different stages of philological-linguistic, historical, ethnographic and ethnomusicological research. The data gathered in the field of linguistics and dialectology possible to identify the main areas of the Eastern Baltic Swedes living. Nevertheless, the results obtained in the study of the material and the music of traditional cultures should be regarded as demonstrating the feasibility of a future research within the boundaries not only of areal linguistic space, but also wider. Historical-cultural area, including the island and coastal cultures, is of great interest to study not only the different levels of interethnic contacts Finno-Ugric peoples and Scandinavians, but also the selection mechanisms, adaptation and transfer of differential cultural segments, leading to integration while preserving ethnic identity.

Keywords: Baltic Swedes, coastal culture, island culture, traditional tunes on the *talharpa* and *säckpipa*, traditional dance culture.

К одним из старейших шведских поселений вне исторической родины относятся места проживания шведов в Эстонии и Финляндии. Шведское население Аландских островов является автохтонным, тогда как материковая часть Финляндии была завоевана Швецией в эпоху крестовых походов к концу XIII века, а местное население обращено в христианство в его римско-католической форме [1, с. 173].

Постоянные поселения шведов в восточной Балтике, так называемых *aibofolket*, балтийских

шведов или *eestirootslased* — выходцев из различных островных и прибрежных областей Швеции и юго-западной части Финляндии, с XIII и до начала XX века широко охватывали все северо-западное побережье Эстонии: полуостров Ноароотси (шведское название *Nuckö*) и большинство островов, среди которых особенно долго шведские общины составляли основное население — Рухну (*Runö*), Вормси (*Ormsö*), Осмуссаар (*Odensholm*), обоих островов Пакри (*Stora och Lilla Rågö*) и Найссаар (*Nargö*); острова Моонзундского архипелага — Сааремаа (*Ösel*), Хийумаа (*Dagö*), Муху (*Moon*), Кихну (*Kunö*), а также побережье Эстонии между Рогенвикен (*Rågerviken*) и Хапсал (*Hapsal*).

Единичные шведские деревни встречались и к востоку от Таллина, а смешанные шведо-эстонские поселения были распространены на еще большей территории. Тем не менее, к концу XIX — началу XX вв. ареал шведских деревень сократился, охватывая главным образом острова Вормси, Рухну, Парки, северо-западное побережье прихода Наороотси и отчасти прихода Ристи[1].

Традиционными формами хозяйства первых волн шведских поселенцев являлось скотоводство. Возможности для земледелия на островных и прибрежных неплодородных землях в Эстонии были ограничены, поэтому балтийские шведы в большей степени занимались судоходством, рыболовством, охотой на птиц и тюленей, малых китообразных.

Финляндские шведы жили на протяжении веков на территории, входящей в состав Шведского королевства, эстонские же были в значительной степени отрезаны от коренных шведов. Тем не менее, общим для *aibofolket* являлось то, что они сами и их предки говорили на различных диалектах шведского языка тех регионов, из которых они некогда переселились. Установлению антецедентной региональной принадлежности балтийских шведов способствуют сравнения типов планировки поселений, национальных костюмов и деревянных рунических календарей. Несмотря на то, что уже в XIII веке руны в Скандинавии были фактически вытеснены из употребления латиницей, использование рунических календарей шведами на эстонских островах осуществлялось вплоть до начала XIX столетия [2, с. 104].

Деятельность ряда организаций: Общества по сбору шведских диалектов и фольклора (*Svenska landsmalsfareningen i Finland*), Шведского литературного общества (*Svenska litteratursalskapet i Finland*), Национального общества «Контакт со Швецией» (*Riksföreningen Sverigekontakt*) и Национального общества сохранения шведских традиций за рубежом (*Riksföreningen för svenskhetens bevarande i utlandet*) — способствовала систематическому изучению языка и традиционной культуры шведов, в том числе, находившихся за пределами Королевства.

Крупным исследователем шведских диалектов Эстонии является выдающийся шведский диалектолог Х. Вендель, им был собран огромный лексический материал для «Ordbok öfver estländsk-svenska dialekterna» на островах Нюкё, Ормсё, Дагё и Рогё [12].

Интерпретации фонологических и морфологических явлений шведских диалектов Эстонии посвящена монография И. Тиберга «Estlandssvenska språkdrag» [10]. Обобщающей работой по шведским диалектам Эстонии является публикация Э. Лагмана «Estlandssvenskarnas språkförhållanden», содержащая информацию не только по лексике, но и фонетике и грамматике [8].

Еще в начале XX века на основе диалектных особенностей можно было выделить четыре региона: западный, восточный, южный и диалект, ограниченный территорией о. Наргё. Из первого диалектного региона, охватывающего острова Нуккё, Ормсё и Дагё, в 1781 году большая часть жителей была вынуждена переселиться на Украину в с. Старошведское (швед. *Gammalsvenskby*). Описанию консервативного варианта диалекта с. Старошведское в Херсонской области, как единственного живого скандинавского диалекта на территории бывшего СССР, посвящено ряд

публикаций А. Е. Манькова[2].

Другой диалектальный регион, находящийся восточнее, включал острова Рогё, Коркис и Випалль. Диалектная форма шведского языка здесь несколько отличается от языка западного региона, но жители разных регионов понимали друг друга достаточно хорошо. В южном регионе, в настоящее время представленным Рунё, а раньше еще и Эзелем, говорили на диалекте, который даже другие эстонские шведы понимали с трудом. Четвертый регион, включающий только Наргё, очевидно, больше испытал влияние диалектов Южной Финляндии, откуда в течение столетий на остров переселялись финские шведы.

Поскольку западный диалектный регион располагал двумя самыми крупными шведскими общинами в Эстонии, то в 1900–1912 годах именно он стал объектом целевого культурно-этнографического исследования и собирательской работы Российского этнографического музея (ЭО РМ, в настоящее время — РЭМ СПб.) при финансировании которого были осуществлены этнографические экспедиции А. А. Фомина и Н. Ф. Арепьева.

Материальные коллекции, собранные в первые десятилетия XX века, позволяют продолжить их изучение в настоящее время, а также дополнить современной информацией об истории культуры шведов Балтики. В связи с этим, важными являются публикации Т. А. Шрадер «Береговая культура Скандинавских стран и Финляндии в XIX — начале XX вв.» [3] и «Эстонские шведы: из истории сохранения идентичности» [4], М. Л. Засецкой «Собрание по этнографии скандинавских народов и немцев-колонистов» [5].

Интерес к традиционной музыкальной культуре балтийских шведов обнаружился в начале XX века в Финляндии и связан с деятельностью профессора Академии Або — Отто Андерссона. Результатом экспедиции 1904 года на «шведоговорящие» острова Эстонии — Ормсё, Нюкё и Рогё, стала публикация «Blend Estlands svenskar» [6].

Маршрут профессора строился следующим образом: из Хельсинки в Таллин, из Таллина в Хаапсалу и на Ормсё [6, с. 155]. После того, как исследователь прожил четыре недели на Ормсё в доме местного священника, в течение которых совершал поездки по острову и пополнял коллекцию записей, он продолжил путешествие на Нюкё, затем в Витерпалу и Рогё.

Публикация О. Андерссона имеет два раздела: первый, написанный в виде путевых заметок, описывает маршрут, природно-климатические условия, посещенных им мест, особенности планировки и технологии строительства усадеб и ферм, традиционный костюм островных шведов. Второй раздел включает рассуждения автора по поводу степени сохранности автохтонных шведских жанров песенного фольклора (баллад, лирических песен) и традиционной инструментальной культуры[3].

Результатом поездки О. Андерссона стал: ряд фотографий, несколько десятков лирических баллад, 140 наигрышей, тридцать из которых были исполнены на *talharpa* (смычковой лире) музыкантами д. Боррби (о. Ормсё) Х. Ренквистом и У. Андерсом, остальные на *säckpipa* (волынке) и *fiol* (скрипке). Х. Ренквист не был виртуозом, но являлся опытным народным музыкантом и смог продемонстрировать сложную технику, показывая возможности талхарпы, и характерные особенности традиционных наигрышей [6, с. 171]. О. Андерссон пишет: «Некогда скрипка главенствовала почти всюду, но теперь власть захватила гармоника. Традиция исполнительства на скрипке продолжала существовать лишь на островах Рюнё, Нюкё и Одинсхольм, тогда как жители Роге, Даге и Витерпалу остались верны волынке, а талхарпу своим народным инструментом считают только жители Ормсё» [6, с. 172].

В эстонской фольклористике культура побережья рассматривалась с позиций, не вписывающихся в общую систему представлений о «национальном». Факты присутствия

эстонских исследователей на островах или побережье с целью фиксации местной традиции, интерпретировались, как поездки за пределы Эстонии, т.к. береговая и островная культура имела явные отличия от «местной эстонской».

Систематическое собирание и изучение народной музыки, начатое под руководством О. Калласа обществом студентов Тартуского университета в 1904–1916 гг., осуществляло поездки и на побережье Эстонии[4]. Так, в 1905 году береговые и островные регионы Эстонии посетили исследователи П. Пенна, К. Кости и П. Сюда.

Летом 1913 года восточные деревни Куусалу и Йыэляхтме посетили финские исследователи — А. О. Вяйсянен и хореограф А. Раудкатс, впервые записавшие традиционные наигрыши шведов побережья Эстонии на фонограф от волыщика Я. Ратсова и скрипача Й. Сеппа[5].

Анализируя информацию, связанную с фиксацией образцов традиционной музыкальной культуры на побережье, необходимо отметить ее «неравномерность», т.к. часть из населенных пунктов посещалась исследователями не однократно, тогда как некоторые фактически не обследовались. Так, достаточно большой материал был собран в д. Леэзи в заливе Колга (Куусалу в Харьюском уезде), находящийся в отчетах нескольких исследователей [7, с. 102]. Танцы (наигрыши и хореография) этого населенного пункта разнообразны и насчитывают более двадцати наименований, среди них: *Voortants*, *Vana labajavalts*, *Kupparimoori*, *Torupillivalts*, *Vingerpolka*, *Uks-kaks-kolm-heli-viis-kuus-seitse*, *Parlin*[6].

В 1930-е годы деятельность по сбору образцов традиционной музыкальной культуры эстонских шведов продолжил Х. Тампере. Исследуя традиционную культуру побережья, он записал игру на скрипке М. Манитски, Г. Линдстрема и смычковой лире — П. Пиилпарка, М. Каасена. Указанные наигрыши и описания танцев находятся в публикации Х. Тампере «Eesti rahvapillid ja rahvatantsud» [9].

Большой интерес к народной культуре со стороны исследователей проявился в период между 1935–1938 гг., когда начали проводиться ежегодные встречи фольклористов с местным населением на побережье Куусалу. В 1935 году Куусалу, главным образом полуостров Юминда, посещали Р. Пяльдмаэ и У. Тооми. С 1936 по 1938 годы фиксацией традиционной хореографии и танцевальной культуры полуострова Пяриспеа занимались Г. Тампере и Р. Пяльдмаэ.

Данный период характеризуется профессиональным подходом к процессу фиксации и хранения экспедиционных материалов. Особенно ценным являются записи, достигающие сотни образцов, осуществленные на фонограф. Содержание и точность транскрипций может варьироваться от полного описания тем, через описание танца и их координации. Указанные материалы, большая часть которых помещена в публикации Х. Тампере «Eesti rahvapillid ja rahvatansud», являются богатым источником данных о музыкантах, наигрышах и хореографии танцев, их функциях и обилии вариантов одного танцевального наигрыша (речь идет о скрипичных и волыночных мелодиях), о сопровождении танца пением с текстом или без него.

Возникший интерес к традиционной культуре балтийских шведов в начале XX столетия, не является доказательством хорошей степени ее сохранности. Освещенные экспедиционные материалы, часто были получены не в сфере их традиционного функционирования, а в специально отрежисированном пространстве, когда к приезду исследователей местные жители собирались для того, чтобы продемонстрировать фрагменты традиционного свадебного обряда или традиционные танцы [11, с. 48]. Последние являются характерной доминантой ряда прибалтийско-финских и балтских инструментальных традиций указанного периода времени. Так, А. О. Вяйсянен, фиксируя традиционную пастушью музыкальную культуру Ингерманландии в 1914 году и культуру карело-финских хордофонов (кантеле и йоухикко) в 1919 и 1921 годы, В. П. Гудков и В. Я. Евсеев

в экспедиции 1933 года в районы Южной Карелии, отмечали явное преобладание танцевальных жанров в репертуаре исполнителей[7]. В данном случае мы имеем дело с реконструкцией целого комплекса явлений, способствующих восстановлению той неоднородной культурной среды, которая и явилась объектом фиксации ряда ученых.

Таким образом, изучение традиционной музыкальной культуры балтийских шведов может осуществляться в различных аспектах. В настоящее время, целесообразной является типологическая дифференциация, сложившаяся не в сфере лингвистики и диалектологии, а в фольклористике и этномузыкологии. С одной стороны, *островная культура*, где степень консервации традиций была несравнимо выше, привлекает возможностью воссоздания исторически более ранних, в том числе музыкальных эпох, утраченных и своевременно не зафиксированных в самой Швеции. *Береговая культура*, напротив, характеризуемая как адаптивная и, проявившаяся в форме диалогового взаимодействия культур, должна изучаться с позиций постижения механизмов и средств передачи культурных образцов, воспринятых носителями, как долговременными, транслируемыми через поколения компонентами культуры.

Примечания

1. Первое документированное упоминание об эстонских шведах, проживавших в Хаапсалуском городище, относятся к 1294 году.
2. См.: Маньков А. Е . Скандинавский остров в славянской языковой среде. Диалект села Старошведское: имя существительное // Slovene. International Journal of Slavic Studies. Vol. 2. № 1. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 60–110; Лексический состав диалекта села Старошведское // XXVI ежегодная конференция ПСТГУ. Материалы. М.: Издательство ПСТГУ, 2016. С. 221–223; Диалект села Старошведское: опыт составления словаря неизученного языка (himmäl–häildär) // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 3 (48). М.: 2016. С. 118–130.
3. О появлении указанных жанров песенного фольклора и музыкальных инструментов в традиционной культуре шведов имеются суждения как о западноевропейских заимствованиях в эпоху раннего Средневековья. См.: Линг Я. Шведская народная музыка. М.: Музыка, 1981. 127 с.
4. В 1927 в Тарту был создан Центральный архив эстонского фольклора (Eesti Rahvaluule Arhiiv).
5. См.: Вейдалепп Р. Финский музыковед А. О. Вяйзянен — собиратель эстонских народных мелодий // Скандинавский сборник XVII. Таллин: Эстонское государственное издательство, 1970. С. 169–176.
6. Изучая репертуар указанных исполнителей, можно выделить наиболее популярные танцы балтийских шведов, проживающих на побережье Эстонии (в уездах Харьюмаа и Лянемаа) на момент фиксации — это различные вальсы и польки, иллюстрирующие западноевропейские влияния в сфере традиционного инструментального исполнительства. Отчасти сохранились традиционные танцы, исторически более раннего происхождения, являющиеся частью свадебной церемонии — *Voortants*, *Ratitants*, *Sabatants*, *Pruudikutsumise* и *Kivikasukas* — имитирующий танец, некогда повсеместно распространенный на указанной территории.
7. См.: Väsaänen A. O. Karjasoitto keräämiä paimensävelmiä inkeristä // Toimittanu Likka Kolehmainen. Kansanmusiikki instituuti julkaisuja 15. Kaustinen: Kansanmusiikki instituuti, 1985. 134 s.; Väisänen A. O. Kantele — ja jouhikkosavelmia. Helsinki: Suomen Kansan Savelmia, 1928. 140 s.; Гудков В. П. Живое кантеле // Красная Карелия. 1933, 16 окт. № 239. С. 3–4.

Литература

1. Шлыгина Н. В. Финляндские шведы // Этнические меньшинства в современной Европе. М.: Восточная литература,1997. С. 172–193.
2. Шрадер Т. А. Рунические резные календари в коллекции МАЭ // 285 лет Петербургской Кунсткамере: Материалы итоговой научной конференции МАЭ РАН, посвященной 285-летию Кунсткамеры. СПб.: Наука, 2000. С. 98–106.
3. Шрадер Т. А. Береговая культура Скандинавских стран и Финляндии в XIX — начале XX вв. // Скандинавские чтения 2004: этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 404–407.
4. Шрадер Т. А. Эстонские шведы: из истории сохранения идентичности // Радловский сборник. **Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г**оду. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 459–463.
5. Засецкая М. Л. Собрание по этнографии скандинавских народов и немцев-колонистов // Материалы по этнографии (Российский этнографический музей). Т. II: Народы Прибалтики, Северо-Запада, Среднего Поволжья и Приуралья. СПб.: МАЭ РАН, 2004. С. 114–135.
6. Andersson O. Bland Estlands svenskar. Srifter utgivna av Svenska litteratursällskapet i Finland 68. Förhandlingar och uppsatser 18 / 1904. pp. 155–177.
7. Kont-Rahtola A. Tansumuusika ja tantsud Kuusalu rannas // The central European journal of social sciences and humanities. № 49, 2011. pp. 93–114.
8. Lagman E. Estlandssvenskarnas språkförhållanden. Stockholm: Kulturföreningen Svenska Odlingens Vänner, 1979. 92 s.
9. Tampere H. Eesti rahvapillid ja rahvatansud. Tallin: Eesti Raamat, 1975. 224 s.
10. Tiberg N. Estlandssvenska språkdrag // Acta Academiae regiae Gustavi Adolphi, XXXVIII. Estlandssvenskarnas folkliga kultur. Uppsala: Lundquist, 1962. 114 s.
11. Tõnurist I. Harjumaa rahvapillid // Puhkeparkide Direktsioon. Tallinn: Eesti Raamat, 1988. pp. 46–57.
12. Vendell H. A. Ordbok öfver estländsk-svenska dialekterna. Helsingfors: Tidnings — & tryckeri-aktiebolagets tryckeri, 1886. 326 s.